

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

на правах рукописи

Асейнов Ренат Меулетович

Историческая и общественно-политическая мысль в Бургундии XV в.

Специальность 07.00.03 - Всеобщая история (средние века)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва, 2008

Работа выполнена на кафедре истории Средних веков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Нина Александровна Хачатурян (МГУ
им. М. В. Ломоносова)

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Олег Фёдорович Кудрявцев (МГИМО
(У) МИД РФ)

кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Сусанна Карленовна
Цатурова (ИВИ РАН)

Ведущая организация: Государственный университет Высшая
школа экономики

Защита состоится «__» _____ 2008 г. в __ часов на заседании
Диссертационного совета Д 501.002.12 по Всеобщей истории при Московском
государственном университете им. М.В. Ломоносова

Адрес: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус,
исторический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки 1-го корпуса
гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан «__» _____ 2008 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Т.В. Никитина

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Бургундский принципат является собой один из любопытнейших феноменов в западноевропейской истории. Историческая область современной Франции – Бургундия, восходящая к образованному в начале V в. варварскому королевству бургундов, имела длительный опыт автономного существования: в качестве королевства, присоединенного впоследствии к государству франков, затем, при династиях Капетингов и Валуа, в статусе герцогства в составе французской монархии, располагавшего, однако, значительной самостоятельностью. Король Иоанн II Добрый передал его во владение своему сыну Филиппу Храброму, не оговорив обязательное возвращение этой территории к короне в случае отсутствия наследника мужского пола (позже Карл V подтвердил это дарение). Созданное таким образом политическое образование просуществовало чуть дольше века (1363-1477 гг.), пройдя путь от герцогства в составе Французского королевства до фактически независимого принципата (*État princier*), включавшего значительные территории не только во Франции, но и в Священной Римской империи. Несмотря на то, что такой тип государственности весьма характерен для периода феодального полицентризма¹, именно бургундский вариант стал примером способности *État princier* достичь высокой степени самостоятельности и претендовать на независимость от французской короны. Ему удалось на определенное время занять одно из ведущих мест на политической карте Европы. Однако притязания герцогов Бургундских не имели под собой достаточной базы. Политическая раздробленность, традиционная патримониальная природа государственного управления, в котором преобладают личностные связи, а социальной опорой власти является дворянство, предопределили слабость созданного ими государства. В этом следует видеть и главную причину неудачи герцогов в соперничестве с

---

¹ См.: Leguai A. Les «États» princiers en France à la fin du Moyen Age // *Annali della Fondazione Italiana per la Storia Amministrativa*. 1967. № 4. P. 133-157; Idem. De la seigneurie à l'État. Le Bourbonnais pendant la Guerre de Cent ans. Dijon, 1969.

Францией, где королевская власть намного раньше встала на путь изменения соотношения частно-правовых и публично-правовых начал своей власти в пользу последних².

Настоящая работа посвящена изучению исторической и общественно-политической мысли в Бургундии XV в. В современной науке эти вопросы стали особенно важными в связи с обращением исследователей к истории идей и духовной жизни, проблемам человеческого сознания в средневековом обществе. Выбранные нами аспекты (историческая и политическая мысль) касаются различных уровней сознания: его ментальных и отрефлексированных, коллективных и индивидуальных форм – сознания интеллектуалов, историков и государственных деятелей.

Рассмотрение данной проблематики в контексте особенностей политической истории принципата позволяет по-новому осветить процесс развития политических идей и исторического сознания в бургундском обществе.

Целью исследования стало изучение особенностей исторической и общественно-политической мысли в Бургундии XV в. Исходя из поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**:

1. Выявление характерных для бургундского общества черт исторического сознания. Особый интерес при этом представляет оценка его специфики в сравнении с предшествующими эпохами в развитии исторического знания. Специальное внимание было уделено проблеме ремесла историка, рассмотренной на основе трудов не только хронистов, но и государственных деятелей, создававших исторические сочинения. Решение этой задачи предполагало обращение к вопросам о жанрах исторических сочинений и назначении истории в обществе.

2. Сравнительное изучение политических взглядов хронистов. Главными показателями в их оценке стали следующие проблемы: представления о власти

---

² См.: Хачатурян Н. А. Сословная монархия во Франции XIII-XV вв. М., 1989; Она же. Бургундский двор и его властные функции в трактате Оливье де Ла Марша // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н. А. Хачатурян. М.; СПб., 2001. С. 126.

герцога, о его отношениях с французским королевским домом, особенно в связи с притязаниями герцогов на политическую самостоятельность.

3. Рассмотрение проблемы ангажированности хронистов в контексте анализа официальной пропаганды, которая велась герцогским домом, и портретных характеристик герцогов Бургундских и французских королей в исторических сочинениях бургундских авторов.

4. Исследование актуальных в современном историческом знании вопросов политической мифологии и репрезентации герцогской власти.

5. Анализ социальных идей хронистов в контексте социальной политики бургундских герцогов.

Хронологические рамки нашей работы, указанные в названии работы – XV век – достаточно условны. Если обратиться к годам жизни рассматриваемых авторов, то можно было бы определить верхнюю и нижнюю границы исследования 90-ми годами XIV в. и началом XV в. соответственно. Однако более обоснованным представляется ограничиться временем правления двух последних герцогов (1419-1477 гг.). Причиной этому является проводимая ими политика, которая уже с самого прихода к власти Филиппа Доброго стала надолго антифранцузской. Именно в его правление обозначилась явная тенденция к приобретению принципатом самостоятельности, а активная внешняя политика привела к значительному расширению границ. В официальной идеологии начала оформляться линия к аргументации независимости, хотя ей так и не суждено было стать господствующей вплоть до крушения Бургундского государства. Конечная дата периода – год гибели Карла Смелого при Нанси, после чего принципат в том виде, в каком он сложился при герцогах из династии Валуа, прекратил свое существование: часть земель была завоевана Людовиком XI, остальные территории вошли в состав владений Габсбургов. Впрочем, на протяжении нашей работы мы не раз будем выходить за пределы этих временных границ, так как в некоторых случаях потребуется характеристика правления первых герцогов или встанет вопрос об эволюции отношения хронистов к Империи уже в конце XV в.

Источниковая база исследования. Основными источниками при написании данной работы послужили исторические сочинения бургундских авторов. Среди них мы выбрали тех, чьи труды в большей степени позволяли рассмотреть поставленные в диссертации вопросы. Это Ж. Шатлен, Ж. Молине, А. де Монстреле, М. д'Экуши, Ж. Лефевр де Сен-Реми, О. де Ла Марш, Ж. дю Клерк, Ж. де Энен, Ф. Вилант, В. да Люцена³, а также анонимная «Хроника королей, герцогов, графов и святых знатнейшего дома Бургундии»⁴. Кроме того, были привлечены исторические сочинения французских авторов, их современников: Т. Базена и Ф. де Коммина⁵.

Помимо нарративных источников были использованы и документальные материалы. В первую очередь, это письма и речи бургундских государственных деятелей и самих герцогов. Важное место среди них занимают документы, собранные известным бельгийским историком Л. П. Гашаром⁶, особенно письма и манифесты герцогов Бургундских, посвященные главным событиям в истории принципата: например, войне с восставшим Гентом, борьбе между Карлом Шароле (будущим Карлом Смелым) и кланом де Круа за влияние на стареющего Филиппа Доброго и др. Ценными источниками по политической мысли оказались подборки документов (письма, речи герцогов и других

---

³ Chastellain G. Œuvres / Ed. J. Kervyn de Lettenhove. Vol. I-VIII. P., 1863-1865; Idem. Chronique: les fragments du Livre IV révélés par l'Additional manuscript 54156 de la British Library / Ed. J.-Cl. Delclos. Genève, 1991; Molinet J. Chronique / Ed. G. Doutrepoint et O. Jodogne. Vol. I-III. Bruxelles, 1935-1937; Idem. Faictz et Dictz / Ed. N. Dupire. Vol. I-III. P., 1936-1939; Monstrelet E. de. Chroniques de Monstrelet (France, Angleterre, Bourgogne) (1400-1444) / Ed. J.-A.-C. Buchon. P., 1875; Idem. Chronique / Ed. L. Douet d'Arcq. P., 1857-1862. Vol. I-VI; Escouchy M. de. Chronique / Ed. G. Du Fresne de Beaucourt. Vol. I-III. P., 1863-1864; Le Fèvre de Saint-Rémy J. Chronique / Ed. F. Morand. Vol. I-II. P., 1876-1881; La Marche O. de. Mémoires / Ed. H. Beaune et J. d'Arbaumont. Vol. I-IV. Paris, 1883-1888; Clercq J. du. Mémoires / Ed. F. de Reiffenberg. Vol. I-IV. Bruxelles, 1835.; Haynin J. de. Mémoires / Ed. L. Chalon. Mons, 1842; Wielant Ph. Recueil des antiquités de Flandre // Recueil des chroniques de Flandre / Ed. J.-J. de Smet. Bruxelles, 1865. Vol. IV; Gallet-Guerne D. Vasque de Lucène et la « Cyropédie » à la cour de Bourgogne. Genève, 1974; Faits du Grand Alexandre // Splendeurs de la cour de Bourgogne. Récits et chroniques. P., 1995. P. 565-627.

⁴ Chronique des rois, ducs, comtes et autres saintes personnes de la très nobles maison de Bourgogne // Paris, BNF. MS. fr. 2200, fol. 16r-23v, 4907, fol. 109v-111v.

⁵ Basin Th. Histoire de Louis XI / Ed. Ch. Samaran. Vol. I-II. P., 1963-1972; Коммин Ф. де. Мемуары. М., 1986.

⁶ Collection des documents inédits concernant l'histoire de la Belgique / Ed. L. P. Gachard. Bruxelles, 1833-1835. Vol. I-III.

государственных деятелей, донесения послов, тексты мирных договоров), опубликованные в работах У. Планше и Ж. Кервина де Леттенова⁷. Особый интерес представляют три сохранившиеся речи канцлера Карла Смелого Гийома Югоне⁸, речи канцлера ордена Золотого руна Гийома Фийатра⁹. Важными источниками стали также материалы, связанные с деятельностью ордена Золотого руна, созданного герцогом Филиппом Добрым и игравшим одну из ведущих ролей в политике принципата¹⁰.

Степень научной разработки проблемы. Исключительная судьба Бургундского принципата всегда вызывала огромный интерес у исследователей в разных сферах научного поиска: круг работ, затрагивающих те или иные аспекты его существования, чрезвычайно широк. Поэтому в диссертации мы рассматривали их по проблемному принципу. Кроме того, вопросы, поставленные в диссертации, предполагали обращение к фундаментальным трудам по политической истории, общественно-политической мысли и духовной жизни Франции и средневековой Европы в целом¹¹.

---

⁷ Plancher U. Histoire générale et particulière de Bourgogne. Dijon, 1739-1781. Vol. IV; Kervyn de Lettenhove J. Histoire de Flandre. Bruxelles, 1849. Vol. 4.

⁸ Plancher U. Histoire générale et particulière de Bourgogne. Vol. IV. P. cclxxiv-cclxxxvi; Bartier J. Légistes et gens de finances au XV siècle. Les conseillers des ducs de Bourgogne Philippe le Bon et Charles le Téméraire. Bruxelles, 1955. P.442-447; Idem. Un discours du chancelier Hugonet aux Etats Généraux de 1473 // Bulletin de la Commission royale d'Histoire. 1942. T. 107. P. 135-156.

⁹ Fillastre G. Oratio ad Paulum II / Ed. E. Beltran // Nouveaux textes inédits d'humanistes français du milieu du XV siècle. Genève, 1992. P. 157-169; Prietzel M. Guillaume Fillastre der Jüngere (1400/07-1473). Kirchenfürst und herzoglich burgundischer Rat. Stuttgart, 2001.

¹⁰ Die Protokollbücher des Ordens vom Goldenen Vlies / Hg. S. Dünnebeil. Bd. 1. Herzog Philipp der Gute; Bd 2. Das Ordensfest 1468 in Brügge unter Herzog Karl dem Kühnen. Stuttgart, 2001-2003.

¹¹ Например: Beaune C. Naissance de la nation France. P., 1985; Caron M.-T. La noblesse dans le duché de Bourgogne, 1315-1477. Lille, 1987; Eadem. Noblesse et pouvoir royal en France, XIIIe-XVIe siècles. P., 1994; Contamine Ph. Guerre, État et société à la fin du Moyen Age. Études sur les armées des rois de France 1337-1494. P., 1972; Duby G. Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme. P., 1978; Gauvard Cl. «De grace especial». Crime, État et Société en France à la fin du Moyen Age. P., 1991. 2 vol.; Guenée B. Entre l'Église et l'État. Quatre vies de prélats français à la fin du Moyen Age. P., 1987; Guenée B. Un meurtre, une société. L'assassinat du duc d'Orléans 23 novembre 1407. P., 1992; Idem. L'Occident aux XIV-XV siècles. Les États. P., 1993; Krynen J. Idéal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen Age (1380-1440). P., 1981; Idem. L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France XIII-XV siècle. P., 1993; Le Goff J. La naissance du Purgatoire. P., 1981; Дюби Ж. Время соборов. Искусство и общество 980-1420. М., 2002; Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002; Ле Гофф Ж.

Что касается политической истории Бургундии, то одним из доминирующих направлений в ее исследовании является биографический жанр: работы, посвященные четырем герцогам¹², членам их ближайшего окружения, влиятельным семьям, интеллектуалам эпохи¹³. В то же время появляются труды, в которых рассматриваются отдельные аспекты политики бургундских правителей: отношения с империей или с Францией, герцогский двор, социальная политика и т. д.¹⁴

Людовик IX Святой. М., 2001; Он же. Другое средневековье. Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2002; Он же. Интеллектуалы в средние века. СПб., 2003.

¹² Bonenfant P. Philippe le Bon. Bruxelles, 1943; Idem. Philippe le Bon. Sa politique, son action. Bruxelles, 1996; Bartier J. Charles le Téméraire. Bruxelles, 1944; Calmette J. Les Grands Ducs de Bourgogne. P., 1949; Vaughan R. John the Fearless. The Growth of Burgundian Power. L., 1966; Idem. Philip the Good. The Apogee of Burgundy. L., 1970; Idem. Charles the Bold. The last Valois Duke of Burgundy. L., 1973; Idem. Philip the Bold. The Formation of Burgundian State. New York, 1979 (все эти монографии были переизданы (Woodbridge, 2002) с предисловиями М. Вэйла (Филипп Храбрый), Б. Шнерба (Жан Бесстрашный), Г. Смола (Филипп Добрый) и В. Паравичини (Карл Смелый), в которых освещена историография вопроса со времени выхода в свет этих сочинений); Paravicini W. Karl der Kühne. Das Ende des Hauses Burgund. Göttingen, 1976; Brion M. Charles le Téméraire. Grand-Duc d'Occident. P., 1977; Schelle K. Charles le Téméraire. P., 1979 (первое издание – Stuttgart, 1977); Dubois H. Charles le Téméraire. P., 2004; Schnerb B. Jean sans Peur. Le prince meurtrier. P., 2005. См. также: Schnerb B. L'Etat bourguignon 1363-1477. P., 1999.

¹³ Например: Sommé M. Isabelle de Portugal, duchesse de Bourgogne. Une femme au pouvoir au XV siècle. Lille, 1998; Paravicini W. Zur Biographie von Guillaume Hugonet, Kanzler Herzog Karls des Kühnen // Festschrift für Hermann Heimpel. Göttingen, 1972. Т. 2. P. 443-481; Idem. Guy de Brimeu. Der burgundische Staat und seine adlige Führungsschicht unter Karl dem Kühnen. Bonn, 1975; Paravicini A., Paravicini W. L'arsenal intellectuel d'un homme de pouvoir. Les livres de Guillaume Hugonet, chancelier de Bourgogne // Penser le pouvoir au Moyen Age (VIII-XV siècle). Etudes d'histoire et de littérature offertes à Françoise Autrand. P., 2000. P. 261-325; Beltran E. Guillaume Fillastre (ca. 1400-1473) évêque de Verdun, de Toul et de Tournai // Pratique de la culture écrite en France au XV siècle. Louvain-la-Neuve, 1995. P. 31-54; Beltran E., Prietzel M. Le second chancelier de l'ordre: Guillaume Fillastre II // L'Ordre de la Toison d'or de Philippe le Bon à Philippe le Beau (1430-1505). Idéal ou reflet d'une société? / dir. P. Cockshaw. Bruxelles, 1996. P. 118-127; Prietzel M. Guillaume Fillastre II, évêque de Tournai. Un prélat et son diocèse au XV siècle // Publications du Centre européen d'Etudes bourguignonnes (далее – PCEEB). 1998. Т. 38. P. 147-158.

¹⁴ Например: Paravicini W. The Court of the Dukes of Burgundy. A Model for Europe? // Princes, Patronage and the Nobility. The Court at the Beginning of the Modern Age c. 1450-1650. Oxford, 1991. P. 69-102; Idem. Structure et fonctionnement de la cour bourguignonne au XV siècle // PCEEB. 1989. Т. 29. P. 67-73; Idem. La cour de Bourgogne selon Olivier de La Marche // PCEEB. 2003. Т. 43. P. 89-124; Cauchies J.-M. Louis XI et Charles le Hardi. De Péronne à Nancy (1468-1477): le conflit. Bruxelles, 1996; Le Banquet du Faisan. 1454 : l'Occident face au défi de l'Empire ottoman. Arras, 1997; Caron M.-T. Les vœux du Faisan, noblesse en fête, esprit de croisade. Turnhout, 2003; Kruse H. Hof, Amt und Gagen. Die täglichen Gagenlisten des burgundischen Hofes (1430-1467) und der erste Hofstaat Karls des Kühnen (1456). Bonn, 1996; Ehm P. Burgund und das Reich. Spätmittelalterliche Aussenpolitik am Beispiel der Regierung Karls des Kühnen (1465-1477).

Проблема исторической и политической мысли бургундских хронистов долгое время не являлась приоритетной в исследованиях и поэтому нуждается в дальнейшей разработке. Более того, историки рассматривали сочинения хронистов по преимуществу с точки зрения предоставления ими фактического материала. Ситуация резко изменилась в конце 70-начале 80-х гг. XX в. В связи с принципиальными изменениями, происходившими в домене политической истории в целом, стали подниматься вопросы и о воззрениях того или иного автора, появились работы, целью которых являлось изучение основных направлений общественно-политической мысли в Бургундском principate. Среди множества исследований можно выделить наиболее существенные.

Монография голландского историка А. Вандерягта¹⁵ - одна из основополагающих и вплоть до сегодняшнего дня единственная фундаментальная работа, посвященная бургундской общественно-политической мысли. Исследователь стремится рассмотреть главные направления в бургундской общественной мысли, уделяя основное внимание проникновению в интеллектуальную среду principata идей гражданского гуманизма и их трансформации под влиянием политической и социальной действительности.

Изучение общественно-политической мысли тесно связано с исследованием официальной идеологии, пропаганды, а также воззрений герцогов и их ближайшего окружения. В связи со становлением доктрины верховной власти герцога рассматривается проблема преломления идей закона и

Munich, 2002; Paviot J. La politique navale des ducs de Bourgogne, 1384-1482. Lille, 1995; Idem. Les Ducs de Bourgogne, la Croisade et l'Orient (fin XIVe-XVe siècle). P., 2003; Oschema K. Freundschaft und Nähe im spätmittelalterlichen Burgund. Studien zum Spannungsfeld von Emotion und Institution. Köln, 2006; Paris, capitale des ducs de Bourgogne / Ed. W. Paravicini et B. Schnerb. Stuttgart, 2007.

¹⁵ Vanderjagt A. J. «Qui sa vertu anoblist». The Concepts of noblesse and chose publique in Burgundian Political Thought. Groningen, 1981. См. также его статьи: Vanderjagt A. J. Classical Learning and the Building of Power at the Fifteenth-Century Burgundian Court // Centres of Learning. Learning and Location in Pre-Modern Europe and the Near East. Leiden, 1995. P. 267-277; Idem. Expropriating the Past. Tradition and Innovation in the Use of Texts in Fifteenth-Century Burgundy // Tradition and Innovation in an Era of Change. Frankfurt-am-Main, 2001. P. 177-201; Idem. The Princely Culture of the Valois Dukes of Burgundy // Princes and Princely Culture 1450-1650. Leiden, 2003. Vol. I. P. 51-79.

порядка, справедливости, величия государя в политических взглядах Карла Смелого¹⁶.

Что же касается бургундской исторической культуры и политических взглядов самих хронистов, то эти вопросы изучены в историографии неравномерно. Среди хронистов XV в. есть личности, пользующиеся неизменной популярностью, чье творчество привлекает особое внимание историков. Таковым является, например, Жорж Шатлен¹⁷. Его значение для литературы той эпохи трудно переоценить. К тому же, объем творческого наследия этого автора не идет ни в какое сравнение с произведениями, дошедшими от других хронистов.

Двойственность положения Шатлена, поэта и историка, как и многих других бургундских авторов, обусловила различные подходы к изучению его

---

¹⁶ Paravicini W. *Ordre et règle. Charles le Téméraire en ses ordonnances de l'hôtel* // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 1999. P. 1999. P. 311-359; Idem. «Acquérir sa grâce pour le temps advenir». *Les hommes de Charles le Téméraire, prince héritier (1433-1467)* // *A l'ombre du pouvoir. Les entourages princiers au Moyen Age*. Liège, 2003. P. 361-383; Blockmans W. «Crisme de leze magesté», les idées politiques de Charles le Téméraire // *Les Pays-Bas bourguignons. Histoire et institutions. Mélanges André Uyttebrouck*. Bruxelles, 1996. P. 71-81. См. также статьи В. Паравичини, указанные в сносках 13 и 14.

¹⁷ Urwin K. *Georges Chastelain. La vie, les oeuvres*. P., 1937; Hommel L. *Chastelain*. Bruxelles, 1945; Delclos J.-Cl. *Le témoignage de Georges Chastelain. Historiographe de Philippe le Bon et Charles le Téméraire*. Genève, 1980; Idem. «Je donques, George Chastelain...»: de l'histoire commandée au jugement personnel // *Revue des langues Romanes*. 1993. T. 97. P. 75-91; Small G. *George Chastelain à Valenciennes* // *Valentiana*. 1989. № 4. P. 26-31; Idem. *Qui a lu la chronique de Georges Chastelain?* // *A la Cour de Bourgogne. Le duc, son entourage, son train*. Turnhout, 1998. P. 115-125; Idem. *Chroniqueurs et culture historique au bas Moyen Age* // *Valenciennes aux XIV et XV siècles. Art et Histoire*. Valenciennes, 1996. P. 271-296; Idem. *George Chastelain and the Shaping of Valois Burgundy. Political and Historical Culture at Court in the Fifteenth Century*. Woodbridge, 1997; Small G., Lievois D. *Les origines gantoises de Georges Chastelain (ca. 1414 – ca. 1441)* // *Handelingen der Maatschappij voor Geschiedenis en Oudheidkunde te Gent*. 1994. T. 48. P. 121-163; Wolff H. *Histoire et Pédagogie au XV siècle: Georges Chastelain* // *Culture et pouvoir au temps de l'Humanisme et de la Renaissance*. Genève, P., 1978. P. 51-69; Eadem. *Prose historique et rhétorique. Les Chroniques de Chastelain et Molinet* // *Rhétorique et mis en prose au XV siècle*. Milano, 1991 Vol II. P. 87-104; Thiry C. *Stylistique et auto-critique: Georges Chastelain et l'«Exposition sur la Verité mal prise»* // *Recherches sur la littérature du XV siècle*. Milano, 1991. P. 101-135; Idem. *Les Croy face aux indiciaries bourguignons: Georges Chastelain, Jean Molinet* // *Et c'est la fin pour quoy sommes ensemble. Hommage à Jean Dufournet*. P., 1993. T. III. P. 1363-1380; Doudet E. *Poétique de George Chastelain (1415-1475). Un cristal mucié en un coffre*. P., 2005. См. также: Doudet E. *Finis allegoriae: New perspectives on Allegory in French Medieval Drama (15th-16th Centuries)* // <http://e.doudet.free.fr/monsie/article.html>; Eadem. *Un dramaturge et son public au XVe siècle: George Chastelain* // <http://www.sitm.info/history/Elx/Ponenciespdf/Doudet.pdf>

творчества. Долгое время преимущественным было исследование стиля Шатлена, принадлежавшего ко второму поколению «великих риториков» (например, монография К. Урвина). Лишь в 1980 г. появилась во многом пионерская работа Ж.-К. Делькло, положившая начало более активному и комплексному изучению творчества официального историографа герцогов. Этот исследователь – пожалуй, первый автор, поставивший под сомнение довод о политической беспристрастности Шатлена. Г. Смолу в свою очередь удалось несколько конкретизировать реакцию этого автора на франко-бургундское соперничество и очертить круг бургундских придворных, чьи идеи он разделял.

Использование в качестве источника только хроники Шатлена несколько сужает проблематику исследований его творчества. Дополнительные преимущества дает рассмотрение его многочисленных трактатов, поэтических произведений, а также анализ стилистических особенностей великого риторика (работы Э. Вольф, К. Тири и Э. Дудэ).

Другие бургундские авторы изучены не столь основательно. Лишь в конце XX в. историки стали обращать пристальное внимание на их литературное наследие. Ж. Дево попытался дать всеобъемлющий анализ творчества и воззрений Молине, обратившись не только к его хронике, но и к другим сочинениям (поэмы, трактаты). В его работах, как нам представляется, наиболее удачно воплотилось намерение синтезировать два подхода к изучению «великих риториков»: как историков и как поэтов¹⁸.

Несмотря на интерес исследователей к фигуре О. де Ла Марша¹⁹, его исторический труд долгое время не считался ценным источником из-за особого внимания автора к торжествам и рыцарским турнирам. Изучение историками новых сюжетов, связанных с проблемой репрезентации власти, сделало «Мемуары» де Ла Марша важным источником²⁰. Появилась диссертация А.

---

¹⁸ Devaux J. La fin du Téméraire... ou la mémoire d'un prince ternie par l'un des siens // Le Moyen Age. 1989. Т. 95 P. 105-128; Idem. Jean Molinet, indiciaire bourguignon. P., 1996.

¹⁹ Stein H. Etude biographique, littéraire et bibliographique sur Olivier de la Marche. P., 1888; Idem. Nouveaux documents sur Olivier de La Marche et sa famille. Bruxelles, 1926.

²⁰ См. указанные выше работы по бургундскому двору.

Миллара²¹, уделяющая основное внимание жизненному пути и роли де Ла Марша в функционировании герцогского двора. Шаг вперед был сделан благодаря монографии К. Эмерсон²², в которой автор попыталась вписать творчество де Ла Марша в контекст всей бургундской риторической школы. Основной идеей стало рассмотрение «Мемуаров» именно как воспоминаний, в которых запечатлелись события, связанные с личностью хрониста.

Эти три автора (Шатлен, Молине и де Ла Марш) остаются на сегодняшний день наиболее изученными, хотя нельзя сказать, что исследованы все аспекты их творчества и деятельности. С конца 80-х гг. XX в. появляются работы, посвященные и другим представителям бургундской историографии: Ж. дю Клерку, Ж. де Энну и А. де Монстреле²³, в которых ставятся по преимуществу вопросы, связанные с их работой в качестве хронистов.

В целом анализ зарубежной историографии позволяет сделать вывод о том, что внимание исследователей сосредоточено на отдельных авторах, а попытки дать обобщающую картину весьма редки и носят общий характер. Такой работой по бургундской хронистике является монография М. Цингеля²⁴,

---

²¹ Millar A. Olivier de la Marche and the Court of Burgundy, c. 1425-1502. PhD thesis. The University of Edinburg. 1996; Idem. Olivier de La Marche and the Herculean origins of the Burgundians // PСЕЕВ. 2001. Т. 41. Р. 67-75. См. также материалы конференции, проведенной Европейским центром бургундских исследований и посвященной О. де Ла Маршу (PСЕЕВ. 2003. № 43) и ряд статей: Wolff H. La caractérisation des personnages dans les Mémoires d'Olivier de La Marche: Identification ou description? // Revue des langues Romanes. 1993. Т. 97. Р. 43-56; Devaux J. Le culte du héros chevaleresque dans les «Mémoires» d'Olivier de La Marche // PСЕЕВ. 2001. Т. 41. Р. 53-66; Emerson C. «Tel estat que peust faire le filz aisé légitime de Bourgoingne»: Antoine, Great Bastard of Burgundy and Olivier de La Marche // PСЕЕВ. 2001. Т. 41. Р. 77-87; Eadem. «Au commencement de mon eaige et du premier temps que je puis entrer en matière». L'Unité du temps et de l'espace dans le récit de la jeunesse d'Olivier // PСЕЕВ. 2003. Т. 43. Р. 45-53; Morgan D. A. L. «The Resolved Gentleman»: Lewis Lewkenor, Olivier de La Marche and the consciousness of Burgundy // PСЕЕВ. 2001. Т. 41. Р. 89-103.

²² Emerson C. Olivier de La Marche and the Rhetoric of 15th-century Historiography. Woodbridge, 2004.

²³ Barner G. Jacques Du Clercq und seine «Mémoires». Düsseldorf, 1989; Nève de Roden A.-C. de. Les «Mémoires» de Jean de Haynin : des «mémoires», un livre // «A l'heure encore de mon escrire». Aspects de la littérature de Bourgogne sous Philippe le Bon et Charles le Téméraire. Louvain-la-Neuve, 1997. Р. 31-52; Thiry C. Ville en fête, ville en feu: présences de la ville dans les Mémoires de Jean de Haynin // Revue belge de Philologie et d'Histoire. 2000. Vol. 78. Р. 423-443; Boucquey D. Enguerran de Monstrelet, historien trop longtemps oublié // PСЕЕВ. 1991. Т. 31. Р. 113-125.

²⁴ Zingel M. Frankreich, das Reich und Burgund im Urteil der burgundischen Historiographie des 15. Jahrhunderts. Sigmaringen, 1995.

представившего общий обзор историографии принципата и рассмотревшего взгляды историков на отношения Бургундии с Францией и империей.

Хотя в отечественной историографии избранная нами тема не рассматривалась, можно отметить наличие определенного интереса как к истории Бургундии, так и к творчеству французских хронистов²⁵. В настоящее время в связи с обновлением отечественной медиевистики (особенно в области политической истории) появляются работы, посвященные общественно-политической мысли во Франции²⁶. Усилился интерес исследователей к собственно Бургундскому государству и входившим в него регионам²⁷. Обращение к теме двора и репрезентации власти способствовало более пристальному изучению сочинений О. де Ла Марша. Речь идет о работах Н. А.

---

²⁵ См.: Мелик-Гайказова Н. Н. Французские хронисты XIV в. как историки своего времени. М., 1970; Маслов Р. А. Борьба правительства Людовика XI за герцогство Бургундия на внутривластной арене Франции // Ученые записки Башкирского университета им. 40-летия октября. Уфа, 1975; Малинин Ю. П. Филипп де Коммин и его «Мемуары» // Коммин Ф. де. Мемуары. М., 1986. С. 384-437.

²⁶ Хачатурян Н. А. Аристотелевское понятие «гражданин» в комментариях Н. Орезма и социальная реальность во Франции XIII-XV вв. // От Средних веков к Возрождению: Сборник в честь Л. М. Брагиной. СПб., 2003. С. 19-35; Цатурова С. К. Священная миссия короля-судии, ее вершители и их статус во Франции XIV-XV вв. // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2006. С. 78-95; Она же. «Король – чиновник, священная особа или осел на троне?»: представления об обязанностях короля во Франции XIV-XV вв. // Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян. СПб., 2007. С. 99-131; Малинин Ю. П. Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV-XV вв. СПб., 2000; Андреев М. Л. Коммин и Макьявелли. К проблеме семантических границ Возрождения // Пятнадцатый век в европейском литературном развитии. М., 2001. С. 32-51; Доронина Л. Л. Представления об идеальном государе во французской мемуаристике эпохи Людовика XI (по «Мемуарам» Филиппа де Коммина) // Средневековый город. Межвузовский научный сборник. Вып. 16. Саратов, 2003. С. 145-156; Она же. «Наставления Людовика XI» как источник для изучения представлений об идеальном государе во Франции второй половины XV в. // Новый век: история глазами молодых. Саратов, 2003. Вып. 1. С. 176-186; Крылова Ю. П. Жоффруа де Ла Тур Ландри: «и задумал я написать книгу...» // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2003. С. 78-102; Она же. Представления анжуйского рыцаря XIV века о смерти // Homo Historicus. К 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного. М., 2003. Кн. II. С. 304-314; Елизарова Е. Ю. Социальные и национально-патриотические взгляды Кристины Пизанской // Вестник Сыктывкарского ун-та. Сер. 5: История. Философия. Политология. Сыктывкар, 2003. Вып. 4. С. 49-62; Аникиев М. В. Предисловие переводчика // Хроники и документы времен Столетней войны. СПб., 2005. С. 3-32.

²⁷ См., например: Шатохина-Мордвинцева Г. А. Нидерланды с древнейших времен до конца XVI века. М., 2004; Майзлиш А. А. Англо-фламандские торговые договоры начала XV века: к вопросу о модели бургундской государственности // Средние века. 2007. Вып. 68 (3). С. 54-79.

Хачатурян, посвященных истории бургундского двора²⁸. Особенности творчества Шатлена и Молине стали предметом исследования в статьях Л. В. Евдокимовой²⁹.

Научная новизна исследования. В настоящей диссертации впервые предпринимается попытка комплексного исследования творчества бургундских историков с целью выявить характерные особенности их исторического сознания и политических воззрений. До сих пор нет сколько-нибудь значимой работы, в которой эти вопросы рассматривались бы на основе сопоставления данных бургундских хроник. Более того, историки XV в. часто ускользают из поля зрения исследователей, занимающихся по преимуществу или более ранним периодом, или сосредоточивающихся на гуманистической историографии. Поднятые в работе вопросы позволяют, по нашему мнению, частично восполнить этот пробел. Кроме того, мы попытались рассмотреть политические взгляды хронистов в тесной связи со становлением официальной идеологии, основные элементы которой нашли отражение в воззрениях герцогов и их чиновников, и в контексте специфики принцепата. Известную новизну работе сообщает систематизация политических взглядов по наиболее важным вопросам (представления о власти государя, ее природе, вопрос о независимости, политическая мифология и репрезентация власти, отношение к городам и городскому сословию). В анализе исторического сознания новизна заключается в попытке показать специфику данного этапа развития исторической мысли в целом при сопоставлении ее с предшествующей эпохой. Все поставленные в диссертации вопросы рассматривались также в контексте особенностей

---

²⁸ Хачатурян Н. А. Бургундский двор и его властные функции в трактате Оливье де Ла Марша // Двор монарха в средневековой Европе. С. 121-136; Она же. Светские и религиозные мотивы в придворном банкете «Обет фазана» герцога Бургундского в XV в. // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2004. С. 177-199.

²⁹ Евдокимова Л. В. Проза и стихи во французских прозиметрах XV в. // Пятнадцатый век в европейском литературном развитии. М., 2001. С. 290-327; Она же. *Natura, Ars, Imitatio*. Образ «совершенного» поэта в произведениях двух великих риториков // Перевод и подражание в литературах Средних веков и Возрождения. М., 2002. С. 381-411.

духовной жизни и культуры западноевропейского общества, переживавшего в XV в. принципиальные изменения.

Методологическая база исследования. Данное исследование написано с учетом достижений актуального в современной медиевистике направления исторической антропологии. Положенный в основу работы текстологический анализ бургундских хроник был подчинен основным принципам этого направления, объектами исследования которого является человек (в его социальной и физической природе), его сознание и духовные ценности. Важную роль сыграл социальный подход к явлениям политической и общественной мысли, духовной жизни, т. е. анализ идей в сопряжении с социальной действительностью. Роль сознания в историческом процессе рассматривалась в его сложной структуре.

Практическая значимость исследования. Предоставленный диссертацией материал может быть использован при дальнейшем изучении истории общественной мысли, исторической культуры, историописания в Бургундском принципате, во Франции и в Западной Европе, в целом, а также в образовательном процессе при чтении общих и специальных курсов по истории средних веков.

Апробация исследования. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Основные положения работы были изложены в ряде публикаций, а также в докладе на конференции «Власть, общество и человек в средневековой Европе» (Москва, 2006).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка источников и литературы.

Основные положения диссертации

Во **Введении** обосновывается выбор темы и ее актуальность, определяются цели и задачи исследования, поясняются хронологические рамки

работы, дается обзор историографии и характеристика источников, формулируются методологические подходы к исследованию и оговаривается его структура.

Глава первая посвящена проблемам исторического сознания бургундских хронистов. Исторические сочинения занимали особое место в библиотеке герцогов Бургундских, славившихся своей страстью к коллекционированию книг. В них они искали примеры для подражания, а также для обоснования своих политических притязаний. Поощряя труд различных историков, они способствовали не только появлению многочисленных трудов, прославлявших их деяния, но и оформлению особой группы интеллектуалов-историков в принцепате. Появление должности официального историка, в конечном счете, стало апогеем такой политики герцогов.

Бургундские хронисты являются многочисленной и неоднородной, на первый взгляд, группой людей, отличавшихся по своим профессиональным занятиям (поэты и официальные историографы, государственные деятели и придворные, региональные чиновники и военные, придворные переводчики). В особом разделе главы на основе анализа их сочинений устанавливается факт наличия многообразия связей между ними. Далеко не всегда они достаточно четко прослеживаются, тем не менее, определенные указания в текстах их сочинений позволили говорить о том, что бургундские интеллектуалы (среди них были и наши историки), формировали некую общность, непререкаемым авторитетом для которой был Жорж Шатлен.

Специальный параграф посвящен проблеме жанров исторических сочинений. Весь корпус использованных источников можно поделить на две группы в соответствии с выбором авторов – одни писали хронику (Шатлен, Молине, Монстреле, д'Экуши, Лефевр де Сен-Реми), другие - мемуары (де Ла Марш, дю Клерк и де Энен). Исследование показало наличие заметных отличий как между двумя этими группами, так и внутри каждой из них. Хроники, написанные официальными историками Бургундского дома, принадлежавшими к «великим риторикам» («Grands Rhétoriciens») – направлению во французской

литературе XIV – начала XVI вв. – отнюдь не похожи на хронику Монстреле или д'Экуши. И дело не только в стиле, хотя он представляет собой одну из существенных особенностей сочинений «великих риториков», стремившихся на античный манер соединить правдивость описания событий с красноречием (в этом они следовали наставлениям Цицерона). В их представлении, официальная история должна быть написана «возвышенным стилем», ибо ее главной задачей является прославление достойных людей и осуждение порочных (тоже античный топос, ставший чрезвычайно популярным среди «великих риториков»). Однако не только изысканный слог, но и постоянное «присутствие» автора, размышляющего над событиями и оценивающего их, отличают сочинения Шатлена и Молине от традиционной хроники, примером которой может служить труд Монстреле, ограничивавшегося лишь сухим изложением фактов и немногочисленными отступлениями.

Некоторые авторы выбирают жанр мемуаров. Они сами озаглавливают так свои сочинения, очевидно, противопоставляя их хроникам официальных историографов. Главным отличием, по их мнению, является как раз стиль: все они подчеркивают грубость своего языка по сравнению с Шатленом и Молине. Этот факт, однако, вовсе не свидетельствует о том, что некоторые из них не были затронуты влиянием риторики. Де Ла Марш, например, апеллируя к «великому Жоржу» и другим «ораторам», пытается тем самым вписаться в представленную ими историографическую традицию. Тем не менее, в таких сочинениях присутствует достаточно других отличий: большее внимание к собственной жизни, постоянная оценка автором событий с точки зрения личного опыта.

Во втором параграфе рассматриваются особенности работы бургундских историков, которые отражают уровень исторического анализа и специфику сознания авторов XV в. В то же время, они позволяют отметить основные моменты эволюции хроники, о которой говорилось в предыдущем разделе, и ответить на поставленный выше вопрос о жанрах бургундских исторических сочинений. Одним из наиболее важных в этом плане показателей, на наш

взгляд, является характер и манера использования источников, а также понимание критериев достоверности описываемых событий. Хронисты черпали информацию как из письменных источников (сочинений предшественников, официальных документов, сообщений доверенных лиц), так и из устных (информации осведомителей, личных наблюдений). Теперь это выглядело не столько как стремление привести множество версий одного и того же события, чтобы читатель сам выбрал подходящее, или как попытка сослаться на авторитет какого-либо автора, но стремление «столкнуть» разные версии с целью донести до читателя правдивый рассказ о произошедшем. При таком подходе возрастает роль самого автора с его собственными воззрениями, пристрастиями, что, как мы пытались показать, также является отличительной чертой изменившейся хроники. Впрочем, остаются и вполне традиционные черты, свойственные хронистике. Например, включение в текст копий писем, договоров без какого бы то ни было их анализа.

Некоторые мемуаристы видели отличие своего труда от хроники именно в использовании определенного вида источников – только личных наблюдений. Зачастую они писали лишь о том, чему сами были свидетелями, поэтому и ограничивались сообщением о событиях, в которых лично участвовали. По сравнению с мемуаристом официальный историк должен был описывать все произошедшее. Впрочем, все они заботятся о достоверности излагаемого. Разнообразие источников и мнений способствовало более правдивому описанию. Часто говорить о достоверности того или иного события позволял личный опыт автора. Кроме того, судить о том, что правдоподобно, а что нет помогала апелляция к разуму и здравому смыслу. Теперь это уже не простая констатация того, что событие невозможно, ибо противоречит нормам морали или идет вразрез с нравственным обликом конкретного человека, например. Показательны в этом смысле попытки придворного переводчика Васко да Люцены, основываясь именно на разуме, отместить все вымыслы и басни, которые Средневековье привнесло в историю об Александре Великом. Критический подход этого автора к сведениям источников приводит его к

отказу следовать традиционным средневековым произведениям об Александре и предпочтению сочинений античных историков об этом государе.

Отличительной чертой историографии XV в. стало характерное для всех аспектов творчества хронистов усиление элементов рационализма. Справедливости ради следует сказать, что этот процесс был постепенным, и зачастую его проявления трудноуловимы. Отдельные черты рационалистического подхода можно заметить и в более ранние периоды, однако в рассматриваемое столетие меняется и масштаб и контекст анализа, который приобретает секуляризованную форму. Рационализируется не только подход историков к пониманию критериев достоверности. Он проявился и в объяснении причинности исторических событий. Не отказываясь от традиционного поиска причин всего происходящего в Боге, дьяволе или Фортуне, они пытаются дать рациональную, с их точки зрения, и отталкивающуюся от «земных» условий трактовку того или иного события. Бог практически не вмешивается в исторический процесс, выступая в качестве некоего нравственного закона. Следуя ему или отступая от него, человек сам выбирает свой путь. Главным для бургундских авторов является нравственная характеристика человека, ответственного за свою участь. Включение в картину мира Фортуны символизировало, в известном смысле, некий отход от дихотомичного взгляда на мир и человека, признание его сложной природы. Рассуждения о судьбах государей (гибель добродетельных, по мнению наших авторов, процветание порочных) заставляли их либо признать погибших герцогов Бургундских порочными в соответствии с традиционными представлениями о божественном воздаянии, либо выстраивать сложные конструкции, всячески пытаясь доказать невозможность познания божьей воли. Введение в исторический процесс категории случайности, которую символизировала Фортуна, снимало эти проблемы и свидетельствовало о дальнейшей секуляризации и рационализации мысли. Пытаясь выйти из ситуации, при которой Фортуна стала выступать как всемогущее существо, способное поднять человека на вершины или низвергнуть вниз, бургундские

авторы противопоставляют ее могуществу добродетель человека. Иногда их рассуждения можно сравнить с идеями итальянских гуманистов о соотношении человека и Фортуны. Но они все же оказываются далеки от четкого постулирования тезиса о способности человека противостоять этой силе.

В третьем разделе параграфа рассматривается вопрос о степени выраженности авторской позиции хрониста в его труде. Выше уже многократно говорилось, что бургундские исторические сочинения в этом смысле представляют собой значительный шаг вперед в процессе «субъективизации» историописания.

Традиционно считается, что бургундские историки чрезвычайно ангажированы и занимаются только прославлением герцогов. Анализ хроник и мемуаров позволил в определенной степени скорректировать это неоднозначное утверждение. Каждый из рассматриваемых авторов заявляет в прологе о желании писать правду даже против своего господина. Любопытно, что это не оказалось голословным заявлением, как можно было бы предположить, приступая к чтению их сочинений, хотя и не сделало их позицию менее ангажированной. Напротив, факт их политизации, определяемой принадлежностью к той или иной группе политической элиты, означал их способность критиковать и выступать против политики того или иного герцога, чьи позиции не соответствовали их собственным идеалам и интересам тех людей, которые стояли за ними.

Возвращаясь к поставленному выше вопросу о жанрах бургундских исторических сочинений, нам представляется необоснованным резко разделять хронику и мемуары или утверждать, что последние сменяют традиционную форму историописания в рассматриваемую эпоху. Бургундские мемуары далеки от современного представления об этом жанре: главным героем является не столько их автор, сколько описываемые им события. Более справедливо говорить о том, что изменяется сама хроника, постепенно обретая черты собственно исторического сочинения с анализом и аргументацией, оформлением исследовательской методики.

Последний раздел параграфа посвящен представлениям хронистов о назначении истории. Средневековая традиция, которая видела главную функцию истории в наставлении в добродетели, особенно ярко проявилась в творчестве бургундских хронистов, получив, однако, дальнейшую разработку. «Великие риторики» с их пессимистическим взглядом на мир придавали значение дидактической направленности своих сочинений. Видя основной смысл своего труда в восхвалении добродетели и осуждении порока, они призывали государей к самосовершенствованию, ибо их нравственная оценка навсегда останется в памяти людей, пока будут существовать исторические сочинения. Иными словами, благодаря истории человек обретал бессмертие. Представление бургундских хронистов об истории как наставнице приобретает дополнительный оттенок, который приближает их к новому пониманию этой дисциплины. По существу формируется идея об общественном назначении истории, которую особенно ярко выразил Шатлен. Он обосновал особое место интеллектуала в обществе, его право выражать свою собственную позицию. Эти люди, по мнению историка, предназначены Богом для выполнения особых функций, также как и все другие сословия. Причем по своему положению и высокому предназначению они равны дворянам, ибо защищают государя и его подданных, но не со шпагой, а с пером в руке. В то же время история начинает мыслиться и как дисциплина, наставляющая не столько в добродетели, сколько в политической мудрости.

Заключительный параграф посвящен более общему вопросу о характере бургундской культуры середины – второй половины XV в. Анализ особенностей творчества интеллектуалов (историков, государственных деятелей), изучение состава библиотек многих из них позволил сформулировать некоторые предварительные замечания по этому поводу с учетом происходивших изменений в западноевропейском обществе той эпохи – развитие гуманистической культуры. Исследование показало, что бургундское общество не было чуждо новым веяниям, появление которых объяснялось не только и не столько контактами с итальянскими государствами, но предполагалось всем

предшествующим развитием общественной мысли во Франции и Бургундии, заключавшимся в рационализации, секуляризации сознания, распространением натуралистических идей. Ранний французский гуманизм, не исчезнувший окончательно в ходе потрясений, обрушившихся на королевство, получил дальнейшее развитие и на бургундской почве. Хотя он и не был ярко выражен, тем не менее, мы можем наблюдать зарождение и формирование определенных черт нового направления в бургундской культуре: особый интерес к культуре античности, подражание древним авторам, востребованность некоторых элементов гражданской этики. В данной работе этот вопрос только обозначен, ибо он требует дальнейшего более основательного изучения, связанного с привлечением дополнительных источников.

Вторая глава диссертации посвящена политическим взглядам хронистов. В первом параграфе рассматривается освещение в бургундских хрониках политического конфликта Франции и Бургундии. Политика герцогов, направленная на достижение независимости и создание собственного королевства, нашла различные отклики у бургундских историков. Шатлен выступает противником такого развития событий, видя залог процветания и благополучия Бургундии в тесном союзе с Францией (ибо герцогство, по его мнению, это часть королевства) и настаивая на принадлежности герцогов к французскому королевскому дому. Сам союз Франции и Бургундии мыслится им в форме традиционных феодальных отношений вассала и сеньора, т. е. с взаимными правами и обязанностями. Политика же королей предполагала иное развитие событий, ибо история Франции XV в. свидетельствует о торжестве совершенно другой системы отношений: подавление королевской властью частного суверенитета сеньоров, превращение всего населения в подданных короля, который теперь предстает как суверен. Шатлен, видимо, осознал невозможность реализации своих идеалов. Заключительные главы проникнуты пессимизмом в отношении как франко-бургундского сближения, так и самих государей. В отличие от официального историографа, де Ла Марш и Молине, пережившие катастрофу при Нанси и французскую агрессию, становятся

апологетами независимости. Де Ла Марш, используя в качестве предлога нарушение Людовиком XI условий мирного договора, объявляет герцога сувереном, что освобождает его от принесения оммажа королю. Впоследствии, вместе с юристами Марии Бургундской он доказывает незаконность французской аннексии герцогства Бургундского, отрицая его статус апанажа³⁰, на котором настаивала французская сторона, и подчеркивая право его передачи по женской линии. Антифранцузская позиция Молине становится особенно заметной при описании военных действий, последовавших за гибелью Карла Смелого при Нанси. Он подчеркивает жестокость французов и стойкое сопротивление бургундцев.

Стремление обосновать политическую автономию стимулировало разработку в официальной пропаганде вопроса о власти государя в принципате, что нашло отражение и в исторических сочинениях. Сам ход истории определил исключительное внимание к этой проблеме. Убийство Жана Бесстрашного приближенными дофина способствовало отдалению Бургундии от Франции и устранению герцогов с внутривластной арены королевства. Все усилия Филиппа Доброго были нацелены на расширение своих владений и получение политической автономии. С другой стороны, территориальная экспансия требовала проведения политики централизации, проходившей в принципате с большими трудностями. Основные направления в рефлексиях бургундских мыслителей о статусе герцога заключались в необходимости доказать его независимость от французского короля и императора, чьим вассалом он являлся, обосновать его притязания на высшую власть в принципате, что выразилось в представлении о нем как о верховном правителе, призванном защищать «общее благо» подданных, которые, в свою очередь, должны беспрекословно ему подчиняться.

В отношении герцогов бургундские хронисты не употребляли обычной для монархов формулы «Божьей милостью», означавшей сакральный характер

---

³⁰ Апанаж – земли, выделявшиеся из королевского домена младшим сыновьям монарха с условием возвращения короне в случае отсутствия наследника мужского пола.

власти, хотя сознательно подчеркивали тезис о происхождении любой власти от Бога. Тем не менее, сами герцоги, не будучи коронованы и помазаны, позволяли себе использовать ее в своей титулатуре. Анализ текстов хроник все же позволяет говорить об известной непоследовательности как историков, так и самих герцогов. Последние не всегда твердо придерживались заявленной позиции и, в частности, не могли полностью отказаться от своих связей с французским королевским домом. Древность королевской династии с фактически устоявшимся наследственным принципом передачи власти, ее освященность легендами, связанными с принятием христианства, наличием святых королей, сообщало ей особую благодать, которая, вероятно, должна была частично перейти и к представителям Бургундского дома. Принадлежность к такой династии давало герцогам, по мнению хронистов, особые преимущества в отношениях с императором, чья власть была выборной и не являлась наследственной.

Реализация претензий на высшую власть в принципате сопряжена с проблемой централизации, ограничения привилегий городов и знати. Проведение такой политики раскалывало не только бургундское общество, но и рассматриваемых нами историков. В решении этого вопроса обозначилось два подхода. Карл Смелый и его советники, основываясь на положениях римского права, выдвинули теорию о высшей власти государя, желание которого есть закон. В их идейном арсенале появились концепция о величии государя, идея о том, что он является гарантом «общего блага». Подобная позиция являлась, пожалуй, наиболее важным условием и средством оправдания притязаний государей. В этом смысле Карл Смелый во многом шел по тому же пути, что и другие монархи (Франции, Англии), – изменения соотношения частно-правовых и публично-правовых начал своей власти. Став герцогом, он принялся проводить политику, которая вызвала негативную реакцию другой группировки, не принимавшей ни принципов новой политической теории, ни методов ее претворения в жизнь. Рупором этой части общества стал Шатлен, критиковавший наступления на привилегии знати, чрезмерное участие герцога в

делах государственного управления, усугубление отношений с Францией. Другой позиции придерживались дю Клерк, считавший необходимым ограничение судебных привилегий и своеволия крупных сеньоров, и де Ла Марш (не только историк, но и государственный деятель), отмечавший многие позитивные моменты политики герцога, особенно в сфере отправления правосудия.

Исключительное внимание О. де Ла Марш уделяет тому, что современные исследователи называют политическим театром власти³¹, когда придворные праздники, торжественные въезды государя в города и другие церемонии, призванные показать блеск, величие власти, ее дистанцию от общества, а, с другой стороны, реализующие своеобразный диалог с ним, являются также одним из средств властвования. «Мемуары» де Ла Марша представляют ценный материал для исследования этой проблемы. Будучи организатором многих из описанных им торжеств, этот историк и государственный деятель стремился передать с помощью театрализованных представлений основные идеи новой доктрины власти герцога Бургундского – высшей власти в principate, призванной защищать общее благо.

Сочинение де Ла Марша важно и с точки зрения выстраивания им особых мифологических конструкций, с целью доказать древность Бургундского государства и тем самым обосновать его право на независимость. Основными составляющими этой политической мифологии стали происхождение первых бургундских королей от Геракла, а также факт крещения бургундского короля задолго до крещения Хлодвига.

Изучение хроник позволило обратить внимание на доказательство некоторыми историками факта существования отдельной от французской бургундской «нации». Де Ла Марш подчеркивает разные исторические судьбы французов и бургундцев, их соперничество, героическое прошлое последних, их превосходство над своими противниками, что должно было способствовать

---

³¹ Из отечественных работ см., например: Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н. А. Хачатурян. М.; СПб., 2001; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2004.

оформлению чувства «национальной» (в средневековом понимании этого слова) идентичности. Названные попытки, поставленные самими хронистами в контекст оправдания независимости Бургундии, раскрывают и подчеркивают роль политического и территориального факторов в формировании этнонациональных государств. Однако, как следует из нашей работы, появление подобного чувства было запоздалым и относится к периоду, последовавшему за крушением принципата (катализатором этого процесса стала негативная реакция на французскую агрессию).

Специальный раздел главы посвящен персональной характеристике отдельных государей с целью воссоздания образа идеального государя в представлении бургундских историков. Таковым в хрониках представлен Филипп Добрый, с правлением которого ассоциируется процветание принципата. Карл Смелый, на время правления которого пришлись тяжелые испытания и крушение государства, не получает столь однозначной оценки, ибо многие хронисты отмечают негативные черты в его характере и деятельности. Тем не менее, его пороки (скупость, вспыльчивость и др.) не затмевают добродетели (справедливость, например), как это происходит в случае с Людовиком XI, выступающим, по мнению хронистов, воплощением порока. Шатлен приходит даже к выводу о том, что этот человек не заслуживает права занимать французский трон. Согласно его концепции, другой член королевской семьи должен компенсировать недостатки короля. Под этим человеком он подразумевал Карла Смелого, однако тот не оправдал надежды хрониста.

Заключительный параграф главы посвящен социальным идеям бургундских историков. Материалы хроник дают основание рассматривать их в антитезе рыцарь-буржуа, что связано, в первую очередь, со спецификой принципата: с одной стороны, наличием в нем регионов с высоким уровнем урбанизации, где города играли ведущую роль, а с другой стороны, поддержкой герцогами именно дворянского сословия, составлявшего социальную базу их власти (показателен в этом смысле орден Золотого руна, призванный как раз обеспечить связь герцогов с представителями крупных аристократических родов

тех регионов, которые входили в состав принципата). Последнее побуждало хронистов превозносить представителей дворянского сословия, считать его основной военной силой, противопоставлять доблесть и благородство рыцарей порочности и праздности горожан. Более того, рассматриваемые нами авторы принадлежали ко второму сословию, что в свою очередь могло определять их позицию. Ситуация, однако, не выглядит однозначной. Негативное зачастую отношение к представителям городов обуславливается многими факторами. Одним из главных, на наш взгляд, был личный опыт каждого автора. Шатлен с его собственным стремлением дистанцироваться от городского сословия, из которого он происходил (несмотря на его заявления об обратном), с особым рвением указывал на недостатки выходцев из третьего сословия. Де Ла Марш, лично участвовавший в войнах с Гентом и Льежем, не мог дать положительный отзыв о представителях этих мятежных городов. Впрочем, панегирики рыцарству не закрывают глаза авторам на недостатки представителей этой социальной группы, поведение которой часто уже не отвечает потребностям времени. Кодекс чести, стремление добиться личной славы не может служить оправданием безрассудству рыцарей в сражениях, от исхода которых зависит судьба государства. Предательства многих знатных сеньоров уже на другой день после гибели герцога а, с другой стороны, примеры стойкого сопротивления французской агрессии некоторых городов, заставляют хронистов иначе взглянуть на представителей двух сословий: отношение к дворянству становится еще более критичным, а в горожанах они теперь видят не только праздных и мятежных подданных герцога, но и тех, кто способен в трудную минуту оказать помощь государю.

В Заключении подводятся основные итоги исследования.

Анализ поставленных в работе задач был реализован в контексте актуального в современном историческом знании направления исторической антропологии, учитывая наиболее существенные его черты: внимание к человеку, его сознанию, а также изучение проблем сознания и духовной жизни в сопряжении с социальной действительностью.

Исследование исторической мысли бургундских хронистов XV в. в сопоставлении с более ранним этапом в развитии исторического знания (хронистика XI-XIII вв.) способствовало выявлению особенностей, присущих этому периоду, когда история становится самостоятельной дисциплиной в системе гуманитарного знания. Отражая общий процесс развития культуры и духовной жизни, заключавшийся в постепенной секуляризации сознания, история обращается не столько к откровению и воле Бога, сколько сосредотачивает свое внимание на светской жизни. Изменяется исследовательская методика: автор пытается анализировать источники, выделяя из них заслуживающие большего доверия, или, сталкиваясь многочисленными свидетельствами, реконструирует действительное развитие событий, стремится объяснять происходящее законами земного мира, отодвигая на второй план сверхъестественные силы. Главным становится принцип рационального объяснения происходящего, основанный на апелляции к разуму, личному опыту. Все это стимулировало историка к более активному выражению своих мыслей: теперь он не прячется за перечислением фактов, но оценивает их и заявляет о своей собственной позиции. Данная субъективизация историописания весьма ярко проявилась в бургундской историографии, что мы наблюдали на материалах хроник Шатлена и Молине, а также зарождающихся мемуаров.

Другой характерной чертой является изменение представления о назначении истории. Хотя хронисты продолжали рассматривать историю как наставницу, тем не менее, меняется содержание этого понятия, в котором просматривается мысль об ее общественном предназначении. Это не только наставление в добродетели. История учит политической мудрости, прагматизму, т. е. поведению, зачастую выходящему за рамки традиционной морали, а также способствует более глубокому постижению действительности. В частности, несмотря на то, что героями исторических сочинений продолжают оставаться государи и представители политической элиты, в орбиту внимания хронистов попадают и другие действующие лица, в первую очередь, горожане, которые не

только выступают в качестве мятежных подданных, но и как социальная опора власти государя, когда дворянство не в состоянии выполнять свои непосредственные функции.

В бургундской историографии был поставлен вопрос и о месте историка в обществе. Шатлен представляет его равным дворянину, ибо одной из его обязанностей становится защита государя и его подданных.

Сравнительно многочисленная группа выбранных нами авторов позволила говорить о существовании интеллектуального сообщества (так называемой «бургундской школы»), члены которого, зачастую расходясь в политических пристрастиях, творили в одном культурном пространстве, поддерживая тесные контакты друг с другом. Наставником и лидером этого сообщества был Шатлен. А связывал их не только фактор принадлежности к Бургундскому принципату, но, как показала наша работа, и следование единым канонам историописания.

Отмеченные в диссертации особенности исторического и политического сознания побудили нас поставить вопрос о зарождении раннего гуманизма в Бургундии. Принимая во внимание постепенность и неоднозначность этого процесса, мы не можем не отметить, что в рассматриваемый период сложились необходимые для появления нового типа культуры предпосылки, связанные с секуляризацией сознания, развитием рационализма, выраженной личной позиции и ее индивидуализацией. Эта проблема выходит за рамки изучения только сознания и требует внимания к конкретно-исторической ситуации (особенностям политического и социально-экономического развития общества). Впрочем, в настоящей работе она только сформулирована и нуждается в дальнейшей разработке с привлечением дополнительных материалов.

Исследование политического сознания бургундских авторов отразило слабые стороны принципата: политическую раздробленность, узкую социальную базу власти (дворянство), патримониальную природу власти и государственных институтов. Именно эти факторы (а не отличие поколения Филиппа Доброго и Шатлена, сознававших себя и принципат частью Франции, от поколения Карла Смелого и де Ла Марша, обосновывавших автономию

Бургундии, как это иногда представляется в историографии) обусловили и недостаточную артикулированность позиции хронистов, и непоследовательность самих герцогов, которые, с одной стороны, стремятся к обеспечению независимости своих владений, а с другой, не могут отказаться от преимуществ, которые давало происхождение из французского королевского дома. Следствием этого явилось отсутствие в течение долгого времени четко выраженной официальной идеологии, а значит, и сознательной политики в области государственного строительства и в отношениях с Францией.

Таким образом, сделанные выводы позволяют говорить о более сложной, изобилующей нюансами, картине общественно-политической мысли в Бургундии, чем это подразумевает традиционное однозначное суждение о ней.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Асейнов Р. М. Политическая мифология и проблема самоопределения Бургундии в XV веке // Средние века. 2007. Вып. 68 (3). С. 80-101.
2. Асейнов Р. М. Восстание в Генде 1452-1453 гг. в бургундской историографии XV в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2008. № 2. С. 105-122.
3. Асейнов Р. М. Образ государя в «Наставлении герцогу Карлу» Ж. Шатлена // Власть, общество и человек в Средние века / Отв. ред. Н. А. Хачатурян (в печати).